

«ВЕЛИКАЯ МОНГОЛИЯ»: КОНЦЕПЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА И ПОПЫТКА ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ (1900–1920 гг.)

Статья подготовлена при поддержке Проекта № 0338-2015-0001 «Бурятская этничность в политических проектах: от Российской империи до современной России» в рамках Комплексной программы СО РАН № П.2 «Интеграция и развитие».

Рассматриваются концепция панмонголизма и попытка ее реализации в первые десятилетия XX в. В Восточной Азии конкурировало несколько политических акторов, каждый из которых пытался разыграть панмонгольскую карту в собственных интересах. Содержание панмонголизма растворилось в региональном геополитическом дискурсе, а активность националистов была перенаправлена с объединения монгольских народов на противодействие разным акторам политического процесса. Сторонникам доктрины так и не удалось добиться возникновения устойчивого представления о необходимости достижения политического единства монгольского мира.

Ключевые слова: бурятское национальное движение; монгольский мир; всемонгольское единство; панмонголизм; национализм; нациостроительство.

Важнейшей частью бурятского националистического проекта была доктрина *панмонголизма*. Она обнаруживала свою тесную привязанность к общеисторическому контексту, в зависимости от которого панмонгольские идеи оформлялись в социальном пространстве либо в культурной, либо в политической формах. В рамках такой концептуализации история своего народа не просто осмысливалась, конструировалась, изучалась, но и выработывались планы его сохранения и дальнейшего развития. При всей сложности, противоречивости и разнонаправленности, эти планы можно охарактеризовать в категориях «нациостроительства» в современном понимании этого слова. Фактически речь шла о сознательном и целенаправленном преобразовании племенной среды в единую культурную и политическую общность, которая успешно вписалась бы в модернизационные процессы. Это предполагало создание единой культуры, общего представления об истории, единого литературного языка, преодоление родоплеменного партикуляризма.

По сути, это был политический проект, в котором большое значение придавалось созданию собственной государственности как необходимому атрибуту и предпосылке создания нации. Создать государство, чтобы создать нацию, – достаточно распространенная и осмысленная в XIX в. стратегия. Специфика «панмонголизма» заключалась в том, что нацию предполагалось формировать на базе монгольской историко-культурной общности, давно и прочно разделенной государственными границами. Соответственно, проект создания собственного государства неизбежно предполагал масштабные геополитические сдвиги во всем регионе. И, как показывает история, геополитическая неопределенность являлась еще и обязательной предпосылкой для попыток реализации такого проекта.

Действительно, не просто рассуждать, но и действовать в направлении создания нового государства на просторах Восточной Азии можно было только в таких исторических и политических условиях, когда весь этот обширный регион находился бы в состоянии геополитического хаоса, и все привычные субъекты политического процесса (в первую очередь, это Рос-

сийская и Цинская империи) вследствие этого хаоса не могли обеспечить стабильного функционирования имеющихся социально-политических структур и в силу этого утрачивали свою политическую легитимность. Именно такая уникальная ситуация сложилась в регионе во второй половине 1910-х гг.

Ниже мы рассмотрим основное содержание концепции панмонголизма, поговорим о причинах ее политизации, выделим и охарактеризуем основных акторов регионального геополитического дискурса, в контексте деятельности которых панмонголизм превратился из чисто умозрительной теоретической конструкции интеллектуалов и политиков в реальный феномен политической жизни Внутренней Азии, осуществляемый на практике.

Концепция и ее политизация. Суть политической доктрины «панмонголизма» была изложена Ц. Жамцарано и заключалась в том, что «объединение Монголии с Внутренней Монголией, Бурятией, Калмыкией, с монголами Синьцзяна и Тувы позволит восстановить исторический регион проживания монголов и превратить новую страну в действительно самостоятельное, суверенное государство» [1. С. 15–16]. Такой подход к государственной интеграции монгоязычных народов в единое культурное пространство с целью постепенного нивелирования различий между отдельными региональными группами, и в перспективе – достижения большей этнической унификации и монолитности населения, отражал европейскую парадигму нации.

Мотивы не только культурного, но и социально-политического единства бурят и монголов всегда присутствовали в бурятском идентификационном дискурсе и были эксплицитно выражены в политической риторике бурятских интеллектуалов. В своих высказываниях они декларировали культурно-генетическое родство бурят и монголов, что и нашло свое конкретное воплощение в идеологии панмонголизма. Так, Б. Барадин писал, что «с самого начала бурят-монгольские племена составляли этническо-языковое единство с монголами...» [2. С. 9]. Более того, по его мнению, буряты представляют собой «неотъемлемую частицу монгольской нации» [3. С. 16]. Жамцарано

подчеркивает, что «буряты – эта маленькая часть всего монгольского народа...» [1. С. 16]. Э.-Д. Ринчино указывает, что именно общностью происхождения обуславливается культурное единство монгольских народов, проявляющееся в экономике, в этническом самосознании. «У огромной части населения этнографической Монголии мы имеем один общий хозяйственный строй» [4. С. 7]; все они осознают «единство и общность интересов», общность своих исторических судеб [Там же. С. 8]. В вопросе об этногенетическом родстве бурят с другими монгольскими народами особняком стоит позиция М.Н. Богданова, в которой имплицитно содержится указание на процесс сознательного или бессознательного конструирования связи между ними: «В исторических преданиях бурят относительно их происхождения видно стремление обосновать единство происхождения и кровное родство бурят с монголами...» [5. С. 2]. «...В бурятских преданиях ясно сквозит сознание единства монголов, калмыков и бурят: это три ветви, три поколения или три общества одного народа» [Там же. С. 3].

Тесное соотнесение бурят с монгольским этнокультурным ареалом побуждало бурятскую интеллигенцию к поиску путей реализации бурят-монгольского единства, что стало проявляться во время национального движения бурят в начале XX в., и в немалой степени обуславливалось кризисной социально-политической ситуацией в России. Тогда это стремление выражалось в желании активизировать социокультурные связи между бурятами и монголами с помощью введения общего для всех монгольских народов алфавита, а также путем популяризации среди бурятского населения буддийской религии, которая рассматривалась в качестве оптимального инструмента культурного объединения монгольских народов. Именно тогда в социополитическую лексику бурятского общества Цыбенем Жамцарано был введен термин «панмонголизм» [1. С. 16]. Однако и Ц. Жамцарано, и другие лидеры национального движения понимали его исключительно в культурном смысле. «Так, например, в материалах первых бурятских съездов 1905 года, а также в выступлениях лидеров национального движения в периодической печати того времени не встречаются высказывания в духе панмонголизма», – пишет Л.Б. Жабаева, имея в виду отсутствие каких-либо призывов к объединению монгольских народов в единое государственное образование [6. С. 130]. Тогда же, между прочим, в дискурсе национально-культурного возрождения стал активно использоваться этноним *бурят-монголы* (раньше, в XIX в., бурят-монголами назывались только некоторые группы селенгинских бурят), заменяя зачастую этноним *буряты*, он был призван подчеркнуть общность культуры, религии, языка бурят и монголов, общность их прошлых, настоящих и будущих судеб.

Перемещение панмонголизма из культурной сферы в политическую произошло после Русской революции 1917 г. Условия, сложившиеся в России в это время, как нельзя лучше способствовали распространению этнического сепаратизма на национальных окраинах России¹. Для бурят это выразилось в том, что среди радикальных представителей национально-

го движения лозунг единого монгольского государства стал особенно популярным. «Великая Монголия» рассматривалась как «залог существования, сохранения и возможности дальнейшего развития культуры всех монгольских народов» [7. С. 19].

Трансформация культурного панмонголизма в политический была инспирирована совокупностью обстоятельств, равнозначных по своему значению и поэтому не выстраивающихся в какую-либо иерархию значений, но действовавших в системе². Эту совокупность, в свою очередь, можно разделить на два блока причин по отношению к бурятам – *внутренних* и *внешних*, – приведших к невиданной актуализации панмонголизма в региональных геополитических практиках и в бурятском националистическом дискурсе, превратившемся в связи с этим в часть таких практик.

Внутренние причины, т.е. причины, приведшие к активизации действий бурятской интеллигенции в направлении создания общемонгольского государства, заключались в следующем.

Во-первых, это общий кризис российской государственности, который как нельзя лучше способствовал возникновению и популяризации сепаратистских идей. Действительно, на открытии первой панмонгольской конференции было объявлено, что «в настоящее время настал удобный момент для нового объединения всех монгольских племен в одно государство» [8. С. 124]. Кстати, и Э.-Д. Ринчино отмечал, что «обстоятельства давным-давно создали все необходимые политические и идеологические предпосылки у самих монгол для постановки вопроса о восстановлении прежнего монгольского государства в его национальных рамках...» [4. С. 9].

В декларации от имени правительства единой Монголии основными мотивами, подвигнувшими бурят на выход из России, объявлялись, во-первых, их культурная отличительность от остального населения, во-вторых, стремление к более полной реализации своих экономических интересов и, в-третьих, надежда на то, что в своем национальном государстве они будут чувствовать себя психологически комфортнее в социальном и политическом смысле³. Однако можно утверждать, что основная причина, по которой буряты решили бороться за создание общемонгольского государства, заключается не столько в их этнокультурном своеобразии (оно присутствует всегда, но не всегда приводит к сепаратизму), сколько в удобном политическом моменте для начала такой борьбы. По точному замечанию С.Е. Рыбакова, этничность, постоянно присутствуя в обществе латентно, актуализируется «лишь в тех случаях, когда группа чувствует либо опасность, угрожающую ей потерей ранее приобретенных привилегий, либо, наоборот, *считает данный момент удобным политической возможностью приобрести долгожданные привилегии*» [9. С. 114]. В данном случае отчетливо просматривается инструменталистский подход бурятских участников панмонгольского движения к этнической культуре: с ее помощью они фактически маркируют определенный сегмент социополитического пространства, а затем начинают борьбу за введение и институционализацию государственных структур, которые контролировали

бы и управляли этим сегментом. Действительно, националисты с чисто примордиалистских позиций обосновали этногенетическое родство монголоязычных народов и факт их культурной, религиозной и экономической тождественности, а уже затем перешли к политическим лозунгам. Ц. Жамцарано писал о политическом объединении монголоязычных народов, населяющих Внешнюю и Внутреннюю Монголию, Бурятию, Калмыкию, Синьцзян и Туву, что позволило бы, по его мнению, «восстановить исторический регион проживания монголов и превратить новую страну в действительно самостоятельное суверенное государство...» [10. С. 15–16]; Э.-Д. Ринчино был уверен в том, что монгольские народы «сохранили все необходимые и основные элементы для образования национального государства, все предпосылки для практического осуществления принципа национального самоопределения» [4. С. 8]. Подобный алгоритм действий свойствен любому этнонациональному движению. Этничность выступила здесь в качестве политического инструмента, использовавшегося для обоснования необходимости институционализации статуса монгольской нации, культурно-политическая реальность которой не вызвала сомнений у участников националистического дискурса.

Во-вторых, определенную роль в концептуализации стремления к политической независимости бурят (здесь можно согласиться с Л.В. Курасом) сыграли успехи их национального движения, выразившиеся в фактическом достижении автономии [11. С. 71] и приобретении опыта реальной этнической консолидации, а также создания определенной социально-политической структуры. Все это вселяло уверенность в бурятских лидерах и на фоне общероссийского политического кризиса не могло не подтолкнуть наиболее радикальных из них к мысли закрепить и развить достигнутое попыткой политической консолидации всей монгольской этнокультурной общности. Тем более что в случае успеха в осуществлении идеи панмонгольского государства буряты рассчитывали получить в нем особый статус, гораздо более высокий, чем тот, что они имели в рамках автономии, предоставляемой Россией. Так, Э.-Д. Ринчино подчеркивал особую роль бурят в образовании нового государства: «Здесь мы, буряты, наиболее культурная сравнительно нация, сыграли бы и сыграем, по видимому, большую роль» [8. С. 126]. В этой связи С.Г. Лузянин отмечает, что «бурятский вариант панмонголизма... предполагал известное подчинение монгольских племен себе» [12. С. 71].

Более того, бурятские националисты являлись самыми активными представителями панмонгольского движения. И конференции 1919 г., как отмечает Г.Е. Грумм-Гржимайло, проводились, прежде всего, «по их инициативе» [13. С. 763]. Можно утверждать, что без участия бурят панмонгольское движение едва ли превратилось бы в столь значимый компонент регионального политического процесса: «...политических перспектив, какой-нибудь ясной программы, хоть сколько-нибудь продуманных планов у монголов не было. Они остались без руководителей – бурят, этих передовиков и организаторов более отсталых своих сородичей. Сам Ничи-Тойн плакался: "...нет

Ринчино, нет Вампилуна. Как быть? Кто нам объяснить и посоветует...?» [4. С. 245].

Очевидно, что, декларируя образование нового государства, участники националистического дискурса пытались актуализировать общемонгольскую идентичность. Аргументы, приводившиеся в пользу создания единой Великой Монголии, демонстрируют явление, получившее в научной литературе название процессуальности, ситуативности или контекстуальности этнической (в данном случае этнополитической) идентичности. Действительно, в данном случае этничность проявляла себя как «выбранная или предписанная извне одна из иерархических субстанций, зависящая от того, что в данный момент считается этносом / народом / национальностью / нацией...» [14. С. 68]. Последняя конструировалась бурятскими интеллигентами, исходившими из анализа конкретной этнополитической ситуации, которая была расценена подходящей для политического объединения монгольских народов, в результате чего можно было наблюдать процесс перемещения «индивидуальной / коллективной идентичности по набору доступных в данный момент культурных конфигураций или систем, причем в ряде случаев эти системы и возникают в результате дрейфа идентичности» [Там же. С. 70].

Кроме того, можно говорить и о том, что панмонголизм – это выход бурятского национализма на качественно иной уровень, когда он приобрел, пользуясь терминологией Дж. Брейли, *ирредентистский* характер [15. С. 33, 37], т.е. обнаружил стремление к объединению монголоязычных групп, локализовавшихся в нескольких государствах. В этом контексте панмонголизм являлся самым «националистичным» (если можно так выразиться) национализмом, поскольку он в долгосрочной перспективе имел своей целью создание монгольской нации – политического конструкта, надэтнического по отношению к тем территориям и культурам, на основе которых он конструировался и которые впоследствии с необходимостью должны были бы гомогенизироваться во всех смыслах.

Акторы: сторонники и противники. Однако понять феномен панмонголизма едва ли возможно только в рамках бурятского национализма и в отрыве от общеисторического контекста, который сложился к концу второго десятилетия XX в. в регионе, охватывающем Монголию, Северный Китай, Забайкалье и российский Дальний Восток. В сложной международной обстановке, возникшей в результате кризиса в России и Китае, здесь конкурировало несколько политических акторов, каждый из которых пытался разыграть панмонгольскую карту в собственных интересах. Всех этих акторов условно можно разделить на два лагеря: тех, кто стремился реализовать свои интересы в контексте панмонгольского движения, и тех, кто видел в нем угрозу и, соответственно, защищал свои интересы через противодействие панмонголизму. Так или иначе, заинтересованность субъектов международной политики в панмонголизме образовала второй блок *внешних* причин, приведших к актуализации идеи Велико-Монгольского государства.

К представителям первого лагеря можно отнести большевиков, некоторых лидеров Белого движения,

японцев, а также кровно заинтересованных в успехе панмонгольского движения националистов Внутренней Монголии и Бурятии. Так, российские большевики видели в панмонголизме отличную возможность для экспорта социалистической революции на Восток. С.Г. Лузянин подчеркивает, что «при анализе монгольского фактора советское руководство учитывало и обстоятельство “революционной целесообразности”». Причем уже на данном этапе Коминтерн предлагал использовать в Монголии... панмонголистскую основу для революционного движения, что дало бы “положительный материал к... пробуждению национального самосознания монголов”» [12. С. 89]. Как отмечают Ю.В. Кузьмин и В.В. Свинин, «Коминтерн до определенного момента был заинтересован в использовании “монгольской карты” как варианта развития мировой революции в Азии» [16. С. 78]. Л.В. Курас считает, что панмонголизм стал «важным политическим рычагом в имперских планах Коминтерна. Спецификой его деятельности стало использование территории всей Сибири в качестве плацдарма для революционной работы в странах Дальнего Востока» [17. С. 276].

Несомненно, большевики рассматривали панмонголизм как средство, позволяющее «разжечь пожар мировой революции на Востоке». Они стремились к тому, чтобы монголы «направили свою деятельность к объединению всех монгольских племен», в контексте которой они оказали бы «поддержку и помощь в деле раскрепощения всех малых и угнетенных народностей Азии» [3. С. 15].

Некоторые представители Белого движения в Сибири также пытались использовать панмонголизм в собственных политических целях. Атаман Семенов стремился к объединению монгольских племен и возрождению державы Чингисхана. Это импонировало и барону Унгерну, который тоже мечтал о единой «Великой Монголии». В то же время «для Семенова панмонголизм был своего рода конечной целью или неким запасным вариантом (стать монгольским главнокомандующим) в связи с неудержимым натиском Красной Армии. Для Унгерна – “Великая Монголия” как плацдарм для возрождения монархий Китая, России, Европы» [18. С. 11].

Японцы с помощью панмонголизма стремились закрепить собственные позиции в регионе и установить над ним свой военно-политический контроль. «Японские военачальники, – отмечает Ц. Батбаяр, – осознали, что... создание единой Монголии помогло бы оказывать давление на Китай и создать благоприятные условия для японской оккупации русского Дальнего Востока». Поэтому для начала цель японцев «состояла в создании на российском Дальнем Востоке такого марионеточного правительства, которое сотрудничало бы с Японией...» [20. С. 29]. Г.Е. Грум-Гржимайло отмечает, что «японцы... выбросили лозунг объединения всех монгольских племен в единое государство – “Великую Монголию”, рассчитывая таким образом ввести в сферу своего непосредственного влияния всю огромную территорию Центральной Азии. Япония... развернула широкую программу “натиска на запад”, которая намечала объединение

южной части Забайкалья, русского Дальнего Востока, всей Монголии – от Сибири до Тибета, и Северной Маньчжурии в одно государство. Эта монголо-бурятская держава, по мысли Японии, должна была отдать в руки японцев весь центр и северо-восток Азии, отрезать Сибирь и Россию от Великого океана и создать базис для установления владычества Японии на Азиатском материке...» [13. С. 763].

Для реализации своих стратегических планов японцы поощряли и активизировали национализм монгольских народов, рассчитывая использовать стремление последних к национально-государственному суверенитету в собственных целях. Их заинтересовала фигура атамана Г.М. Семенова: «С января 1918 года... в японский генеральный штаб беспрерывно поступали, например, донесения о Семенове» [20. С. 29]. Атаман, в свою очередь, вступив с японцами в контакт и получив их поддержку, «предпринимал попытки расширить движение панмонголизма» [Там же. С. 30].

Деятельность Японии попала на благодатную почву, во всяком случае, буряты и монголы Внутренней Монголии с энтузиазмом взялись за дело национально-государственного объединения. В результате «идея панмонголизма была горячо воспринята некоторой частью бурятской интеллигенции, которая сформировала при штабе Семенова монголо-бурятскую дивизию и сгруппировала в Чите активное ядро сторонников панмонгольского движения» [13. С. 763].

Таковыми же активными сторонниками панмонгольского государства были монголы Внутренней Монголии, которые, находясь в составе Китая, не имели автономных прав. Участие в движении за независимость атамана Семенова они интерпретировали следующим образом: «Наша... цель – помочь русским белогвардейцам в их борьбе против Красной Армии. Через сотрудничество с русскими белогвардейцами мы могли бы получить оружие и экономическую помощь...» [21. С. 9]. Это, в свою очередь, было нужно для того, чтобы «поддержать наше движение за независимость Внутренней Монголии, а в дальнейшем объединиться с Внешней Монголией и основать независимую Великую Монголию» [Там же]. Однако, в отличие от бурят, выступавших за установление в единой Монголии федеративно-демократического строя, представителям Внутренней Монголии больше импонировала идея реставрации империи Цин, и поэтому они «выдвинули вопрос о борьбе за восстановление маньчжурской династии, каковая династия и должна была даровать всяческие права для Монголии» [4. С. 231]. По этой линии разгорелся один из внутренних конфликтов между панмонголистами, закончившийся вооруженным столкновением и физическим уничтожением сторонников Цинской династии во главе с представителем Внутренней Монголии Фушенгой (военный министр даурского правительства): «Фушенга... устроил совещание и разработал план захватить внезапно правительство Ничи-Тойна, перерезать всех бурят, двинуться во Внутреннюю Монголию и соединиться с маньчжурами» [Там же. С. 245]. Однако заговор был раскрыт, «...Фушенга и его вдребезги разбитый отряд в сотню человек погибли...» [21. С. 10],

«маньчжурская группа... в результате... была ликвидирована с корнем» [4. С. 237].

Интересно отметить, что глава панмонгольского государства Нэйсе-Гэгэн был избран с подачи представителей Внутренней Монголии. Они подчеркивали, что «если бы мы смогли выбрать уважаемого всеми живого Будду нашим лидером, наши сила и влияние могли бы значительно увеличиться и расшириться и наша задача стала бы более легкодостижимой» [21. С. 9]. При этом лидер националистов Внутренней Монголии Нуремпил отмечал, что «его [Нэйсе-Гэгэна] религиозный статус во Внутренней Монголии под стать тому, что имеет Джебзун Хутухта во Внешней» [Там же]. Налицо стремление националистов использовать буддистские мотивы для этнополитической консолидации монгоязычных народов: они рассчитывали на то, что монголы, будучи буддистами, признают легитимность Нэйсе-Гэгэна как главы панмонгольской державы, поскольку тот – живой Будда, по статусу равный духовному лидеру независимой Внешней Монголии. Таким образом, Нэйсе-Гэгэн предстает ключевой фигурой, вокруг которой должны были сплотиться все монгольские патриоты, жаждавшие национальной независимости. Кстати сказать, и мотивация необходимости образования единой Великой Монголии проводилась панмонголистами в типичном для этнонационалистического дискурса ключе: на конференции Нэйсе-Гэгэн подчеркнул, что «во времена Чингисхана все монгольские племена составляли единое целое» [17. С. 72]. Тем самым он легитимизировал идею политического объединения монголов, проводя диахронную связь между империей Чингисхана и создаваемым новым государством.

Напротив, негативное отношение к панмонголизму было характерной чертой Омского правительства адмирала А.В. Колчака, китайцев и властной элиты Внешней Монголии. Колчаковское правительство оценивало панмонгольское движение как угрозу территориальной целостности России, исходящую в конечном итоге вовсе не от монголов, а от Японии. Так, МИД Омского правительства 28 марта 1919 г. заявил: «...Япония официально делает вид, будто она стоит вне этой игры (имеется в виду панмонгольское движение. – М.Б., П.В.). Несмотря на это японская военщина сеет смуту на окраинах, граничащих с нашей страной, стремясь тем самым на длительный период сохранить японское влияние и присутствие своих войск» [20. С. 30].

Китай использовал панмонголизм в качестве предлога для ликвидации автономии Внешней Монголии. «Образование Пан-Монголии, – пишет Батбаяр, – стало прекрасным предлогом для Чень-И, чтобы обосновать ликвидацию монгольской автономии» [19. С. 185]. Г.Е. Грумм-Гржимайло отмечает, что «аньфуисты усмотрели в желании Нэйсе-Гэгэна вступить в непосредственные сношения с микадо (по поводу отправки монгольской делегации на международную конференцию. – М.Б., П.В.) формальный повод для нарушения Кяхтинского соглашения 1915 г., и в июле 1919 года ввели в Ургу свои войска... 22 ноября президентом Китайской республики был обнародован декрет, в котором объявлялось... о безоговорочном под-

чинении Монголии Китаю и полном отказе ее от дарованных ей автономных прав...» [13. С. 765].

Представители Внешней Монголии, в свою очередь, также с большой осторожностью отнеслись к панмонгольской затее: декларируя свою поддержку, они, тем не менее, отказались от прямого участия в строительстве общемонгольского государства: «Халха делегатов не прислала, командировав только гонца с письмом, в котором верхушки Внешней Монголии выразили свое принципиальное сочувствие затеянному делу и обещали безусловно присоединиться к новому общемонгольскому государству, если только оно будет утверждено Версальской конференцией...» [4. С. 231]. С одной стороны, Внешняя Монголия не могла игнорировать факт проведения конференции панмонголистов, с другой – монгольские князья и ламы выдерживали нейтралитет в этом вопросе. Поддерживая панмонгольскую идею в принципе, монгольское руководство предпочло воздержаться от активного участия в движении. Более того, «...собранный в начале августа 1919 года во Внешней Монголии съезд без особых прений принял единогласное решение “не присоединяться к бурято-баргутам, сохраняя договорные обязательства по отношению к России и Китаю, а в случае вооруженной угрозы бурято-баргут и Семенова – защищать Внешнюю Монголию силой оружия”» [12. С. 72].

Подобная позиция монгольских властей вполне понятна: Халха еще в 1911–1912 гг. добилась суверенного статуса (оставаясь формально при этом в составе Китайской республики), монгольские политики в борьбе за независимость в большей степени ориентировались на помощь России (и до революции 1917 г., и после нее), что уже не раз отмечалось исследователями: «Монголия рассчитывала на поддержку России в получении полной независимости Внешней Монголии, Барги и Урянхайского края... Перед правительством Богдо-Гэгэна стояли сложные задачи: добиться международного признания независимости Внешней Монголии, в срочном порядке укрепить политические, военные, экономические устои новой власти. Для их решения монгольское правительство искало поддержки России» [22. С. 53].

Ориентация монголов на Россию как основного внешнеполитического партнера подтверждается и тем, что они отказывались от помощи Японии: «Токио еще в феврале 1918 года отправил в Ургу подполковника Мацуи, который в ходе переговоров с монгольскими министрами поставил вопрос о возможности пересмотра автономной Монголией своей традиционной внешней политики – опоры на Россию, так как последней в прежнем виде уже не существовало, и предложил политическую и финансовую поддержку Японии, на что получил отрицательный ответ» [12. С. 69]. С.Г. Лузянин отмечает, что «монгольское руководство очень настороженно воспринимало участие японцев... в этом процессе...» [Там же. С. 72]. Кстати, небезынтересно заметить, что и в начале 1920-х гг. монголы искали помощи российских большевиков для осуществления своего внешнеполитического курса: «Нарревпартия интересуется отношением советского правительства к следующим вопросам: а) урян-

хайскому вопросу; ...в) объединению всей Монголии – Внутренней, Западной, Верхней, Барги, так как Нарревпартия имеет в виду распространение своего влияния на все части Монголии и объединение их в будущем в одно государство» [12. С. 92].

Следствием такого отношения к России стало то, что Внешняя Монголия не могла открыто присоединиться к требованию бурятских панмонголистов о включении Бурятии в состав Монгольского государства – это неминуемо привело бы к обострению российско-монгольских отношений и потере российской поддержки. Соответственно, монгольская властная элита никогда не включала в свои этнополитические конструкции Бурятию, но традиционно видела свои интересы в Туве, Барге и Внутренней Монголии, что отчетливо демонстрирует вышеприведенный материал. А в 1917–1918 гг. халхасцы попытались даже присоединить Урянхай к Внешней Монголии: «17 декабря 1917 года между представителями автономной Монголии и Китая в Урге было подписано соглашение о том, что “...Урянхайский край отныне составляет нераздельную часть автономной Монголии...” В октябре 1918 года автономная Монголия посылает в Туву миссию монгольских чиновников в сопровождении китайского представителя Ян Шичао и отряда монголо-китайских солдат, которые назначают в Урянхайском крае монгольского губернатора как главного управителя Тувы, а тувинцев объявляют подданными Богдо-Гэгэна» [12. С. 71].

Осторожное, а впоследствии даже и негативное отношение Халхи к панмонгольскому движению объяснялось еще и тем, что политическая элита Внешней Монголии не воспринимала либерально-демократических требований, выдвинутых панмонголистами: «для тогдашних феодалов и теократов Халхи идеи демократической республики, ликвидации феодально-теократической системы и т.д. были сугубым большевизмом и ужасающей ересью» [4. С. 235]. И как только монголам стали известны «революционно-демократические задачи Временного правительства», так сразу «верхи Внешней Монголии уже окончательно порвали всякие сношения с Временным правительством» [Там же]. По этой линии стал развиваться еще один конфликт: буряты разработали план силового привлечения Внешней Монголии к панмонгольскому движению: «имелось в виду устроить в Урге переворот, создать подходящее правительство из либеральных князей и аратов и повести широкую революционную пропаганду среди низов» [Там же. С. 236]. Был также разработан план военного похода войск даурского правительства во Внешнюю Монголию. Но ни того ни другого панмонголисты осуществить не смогли.

Кроме того, монгольская элита ревностно следила за иерархией распределенных между участниками панмонгольского движения ролей и в этом контексте воспринимала провозглашение Хайлара столицей Великой Монголии как оскорбление, «поскольку это придавало Внешней Монголии положение второстепенной важности» [19. С. 187]. С подозрением она относилась и к выраженной активности бурятских деятелей. В этой связи интересно замечание С.Г. Лу-

зянина о том, что бурятские интеллектуалы (Ц. Жамцарано) в мягкой форме проводили мысль о подчинении Монголии Бурятией, а «бурятский вариант панмонголизма... предполагал известное подчинение монгольских племен себе. Чувство превосходства бурятского менталитета над монгольским вызывало естественный протест и раздражение халхасской элиты, обостряя монголо-бурятские отношения» [12. С. 71].

В контексте вышеизложенного закономерным выглядит сложившийся к лету 1919 г. тактический альянс сил, которые рассматривали панмонголизм как источник угрозы для собственных интересов. Этот альянс проявился в момент ликвидации автономии Внешней Монголии, судьба которой, как точно отметил Э.-Д. Ринчино, была решена «как только были расшифрованы “коварные”, т.е. демократические, замыслы Временного правительства (имеется в виду даурское панмонгольское правительство. – М.Б., Л.В.)» [4. С. 235–236]. С этого момента «в Урге немедленно же создавался идиллический контакт между теократическим правительством Внешней Монголии, представителем колчаковского правительства консулом Орловым и агентом аньфуистов Чень-И... С общего согласия всех трех сторон летом 1919 года выносится постановление о вводе во Внешнюю Монголию аньфуистских войск...» [Там же].

Нетрудно заметить, что все региональные политические акторы вступили в борьбу за идеологический и мобилизационный ресурс, присущий панмонголизму, и тем самым в определенной мере превратились в участников националистического дискурса. Каждый из них стремился с помощью панмонгольского движения достичь собственных стратегических и/или идеологических целей. Как верно отмечает Л.А. Юзюфович, «...термин “панмонгольское движение” претендует на некую обобщенность и в этом качестве легко ложится в разного рода идеологические конструкции» [23. С. 179]. В этом контексте совершенно справедливым выглядит утверждение о том, что «тотальный отказ от национализма ведет к отказу от эффективного политического действия» [24. С. 143]. Ситуация с панмонголизмом сложилась таким образом, что региональные акторы настолько активно использовали его в своих политических практиках, что это в какой-то мере затушевало его националистическую «сердцевину».

Вместо заключения: причины неудачи. Размышляя таким образом, можно прийти к следующему заключению. Участие бурятских интеллектуалов в движении панмонголизма, понимаемом в политическом смысле (т.е. как призыв к государственному объединению монгольских народов), являлось логическим развитием бурятского этнонационализма. Пожалуй, впервые эта мысль была высказана еще в 1933 г.: «...панмонголизм, как определенное политическое течение с ярко выраженной националистической окраской был и продолжает быть историческим и логическим завершением бурятского национал-демократизма» [25. С. 67]. Однако уровень противостояния между различными политическими силами, действовавшими в регионе, и высокий накал борьбы между ними привели в итоге к тому, что национали-

стическое содержание панмонголизма заметно рас- творилось в региональном геополитическом дискурсе, а активность националистов объективно была перена- правлена с задачи объединения монгольских народов (хотя субъективно сами националисты искренне ве- рили в то, что они действуют во имя объединения) на противодействие тем или иным участникам политиче- ского процесса и друг другу. Приходится признать, что адепты идеи этнополитического самоопределения монголов стали инструментом в руках других регио- нальных акторов и что панмонголизм гораздо успеш- нее (но не более эффективно) использовался послед- ними, а не первыми. Этим обстоятельством в большей степени обуславливались и остальные причины несо- стоятельности панмонгольского движения.

Во-первых, сторонники создания единой Монго- лии не смогли преодолеть внутренних противоречий и порождавшегося ими соперничества, дошедшего до вооруженного противостояния. Не было достигнуто настоящего согласия по общеполитическим вопросам. Между участниками движения «не было единства, отчетливо выявились сторонники маньчжурского правления, которые ратовали за союз с монархистами Маньчжурии, японскими империалистами и также сформировалось демократическое крыло» [6. С. 144]. «Надо признать, – отмечает Л.А. Юзефович, – что панмонгольское движение было еще формой сопер- ничества различных региональных кланов» [23. С. 181]. «В едином “панмонгольском” государстве, если допустить мысль, что оно все-таки образова- лось, – заключает Н.Л. Жуковская, – началась бы кон- куренция за лидерство между не только разными эт- носами (монголами, бурятами, тувинцами, баргута- ми), но и родовыми кланами внутри этих этносов» [26. С. 19]. Ю.В. Кузьмин и В.В. Свинин вообще счи- тают, что в панмонгольском движении «не была заин- тересована ни одна из планируемых составных ча- стей», поскольку они (части) «при создании нового государства могли утратить свои позиции. Их буду- щее становилось неопределенным, могло привести к соперничеству и конфликтам» [16. С. 78]. Косвенным подтверждением правоты подобных утверждений может служить тот факт, что даже члены бурятской делегации (которые были, пожалуй, самыми иску- шенными политиками в составе конференции), выра- жавшие интересы всего бурятского народа, в то же время являлись представителями отдельных бурят- ских территориально-родовых объединений⁴.

Во-вторых, националисты не смогли добиться массовой поддержки монгольских народов. Э.-Д. Ринчино, сетуя на это, писал, что монголы и другие народы Центральной Азии «слишком примитив- ны и изъедены буддийским клерикализмом и мало го- дятся как активный материал для создания этого госу- дарства» [8. С. 126]. Отсутствие сколько-нибудь значи- мых успехов и достижений в деле осуществления идеи создания общемонгольского государства в большей сте- пени обуславливалось тем, что она не нашла живого отклика в сердцах рядовых носителей культуры. Нацио- налисты не справились с задачей ретрансляции своих взглядов в народные массы. Таким образом, идея все- монгольского единства не нашла достаточного количе- ства активных сторонников ни в одной из частей «этно- графической Монголии» (включая Бурятию), что не могло не сказаться на ее жизнеспособности.

В конечном итоге сторонникам этой доктрины не удалось создать важнейшей предпосылки для ее вопло- щения в жизнь – добиться возникновения устойчивого представления в обществе о необходимости достижения политического единства монгольского мира [19]. Хотя «нация – это всегда первоначально идея, но это идея, которая материализуется по мере того, как она из досто- яния интеллектуальной элиты превращается в массовую идеологию» [9. С. 273], и «чтобы стать эффективным политическим средством, эта идея должна распростра- ниться на массовом уровне» [Там же]. На деле же полу- чилось так, что «Пан-Монголия была создана небольшо- й группой людей за переговорным столом и утвер- ждена только на бумаге» [20. С. 186], а «концепция “Ве- лико́й Монго́лии” во многом носила умозрительный характер...» [16. С. 79].

Наверное, это свидетельствует еще и том, что наци- онализм как политическая теория, сформировавшаяся на Западе и ставшая доступной для интеллектуальной элиты бурятского общества, не мог превратиться в эф- фективный инструмент политического процесса и мо- билизации масс в монгольском мире. Политическая реальность последнего определялась все еще оставав- шимися в силе традиционными структурами социаль- ной организации, а сам он лишь подошел к порогу то- тальной модернизации, которую предстояло пережить в ее насильственных формах. Впрочем, этот вывод – привилегия внешнего наблюдателя из будущего, кон- статация *post factum*, – который никак не мог отрефлек- сироваться, а значит, и повлиять на мотивацию и по- ступки людей, действовавших в ту бурную эпоху.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Как известно, появлением самого понятия «панмонголизм» мы обязаны основателю русского символизма Вл. Соловьеву. Идея панмонго- лизма как единения монголоязычных народов получила распространение после победы Синьхайской революции 1911 г., принесшей неза- висимость Монголии. Многие специалисты единодушны в том, что панмонголизм усиливался с кризисом в Китае и России. Так, Ю.В. Кузьмин и В.В. Свинин отмечают, что его идеи актуализировались в периоды политического и экономического ослабления Китая и России – государства, в составе которых было монголоязычное население. Они выделяют три периода: 1911–1915, 1917–1921 и 1925– 1928 гг. [16. С. 5]. В каждый из них возникала идея создания единого монгольского государства, в рамках которого мог быть реализован потенциал каждого народа, вошедшего в его состав. С этим в принципе соглашается А.С. Железняков: «Крах Маньчжурской и Российской империй, бывшие подданные которых – монгольские народы – оказались на новом перепутье своей истории, вызвал к жизни мифологему империи Чингисхана и идею общемонгольского курилта́я» [27. С. 66]. А.А. Елаев и Л.Б. Жабаяева убеждены, что возрождение идеи единого монгольского государства обуславливалась обострением классовой борьбы и начавшейся Гражданской войной в России и, как следствие этого, неопределенностью будущего бурятского народа в смысле возможности образования автономии в рамках Российского государства [6. С. 130; 28. С. 130]. Не менее важной причиной возникновения панмонголизма А.А. Елаев считает социокультурный фактор: в условиях наметившейся тенденции к растворению бурятского этноса в рамках российской государственности при доминировании иноязычного большинства с чуждой культурой лидеры национального движения предпочли попытку политического объединения с родственными мон-

гоязычными народами [28. С. 130]. Л.В. Курас отмечает, что стремление бурят к созданию общемонгольского государства не в последнюю очередь обуславливалось, с одной стороны, негативным отношением сибирского правительства Колчака к органам бурятской автономии, с другой – «реальными успехами национального движения, когда в течение двух лет Бурнацком автономно руководил органами местного самоуправления...» [11. С. 71].

² Точка отсчета этого процесса, как правило, связывается с проведением в 1919 г. двух конференций, на которых собирались сторонники государственного объединения монгольских народов. На них был разработан план создания «Великого Монгольского государства», в состав которого «должны были войти на правах федерации Внутренняя и Внешняя Монголия, Барга и земли забайкальских бурят» [28. С. 130], составлена Конституция будущей Великой Монголии, признающая равенство составных частей государства, и избрано правительство [6. С. 138]. Было принято решение (чему активно способствовала бурятская делегация) о том, что единое Монгольское государство должно представлять собой федеративную, демократическую республику, придерживающуюся во внешней политике нейтралитета [4. С. 231].

³ В декларации от имени правительства Великой Монголии, принятой на I панмонгольской конференции (февраль 1919, Чита), указывались причины вхождения бурят в состав нового государства. «Монгольский аймак бурят, бывших в российском подданстве, – отмечалось в ней, – вследствие неоднобразия в религии и обычаях утратил свои экономические интересы, и каждый бурят ожидает уже давно того случая, когда будет возможность обеспечить себе спокойное проживание» [6. С. 140].

⁴ На конференции, состоявшейся 25 февраля 1919 г. в Чите, интересы бурят представляли Э.-Д. Ринчино (от баргузинских бурят), Ц.-Е. Цыдыпов (от хоринских бурят), Н. Дылыков (от селенгинских бурят), Б. Вампилон (от иркутских бурят), Д. Сампилон (от Бурнацкома) [3. С. 5]. Подобный состав бурятской делегации отражал традиционное для бурятского этноса деление на крупные территориально-племенные образования. Однако коль скоро этнотерриториальный принцип был положен в основу комплектования общепанмонгольской делегации, которая была призвана выражать интересы всего народа на всемонгольском собрании, наличие в ней представителей отдельных этно-территориальных групп наводит на мысль о достаточно ощутимых различиях в интересах селенгинских, хоринских, иркутских и других бурят. И хотя это деление не отразилось на ходе работы конференции (бурятские делегаты по важнейшим вопросам выступали консолидированно), сам факт такого деления свидетельствовал о незавершенности процесса формирования общепанмонгольской идентичности в бурятском обществе. В более широком контексте это может означать, что противоречия, определяемые политическими интересами участников панмонгольского движения, оказались сильнее фактора культурно-исторической близости групп, которые они представляли и на основе которого собирались консолидироваться.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жамцарано Ц. Бурятское народническое движение и его критики // Сибирские вопросы. 1907. № 24. С. 15–20.
2. Барадин Б.Б. Бурят-монголы. Краткий исторический очерк оформления бурят-монгольской народности // Бурятияведение. 1927. № 3–4. С. 39–52.
3. Неизвестные страницы истории Бурятии. Улан-Удэ : Общественно-научный центр Сибирь, 1991. Вып. 1. 52 с.
4. Элбек-Доржи Ринчино о Монголии: [Избр. тр.] / Элбек-Доржи Ринчино; [сост. и редкол.: Б.В. Базаров и др.]. Улан-Удэ : Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии, 1998. 255 с.
5. Богданов М.Н. Очерки истории бурят-монгольского народа / под ред. Н.Н. Козьмина. Верхнеудинск : Бурят-монгол. изд-во, 1926. 234 с.
6. Жабаяева Л.Б. Элбек-Доржи Ринчино и национально-демократическое движение монгольских народов. Улан-Удэ : Изд-во ВСГТУ, 2001. 334 с.
7. Цибилов Б., Чимитдоржиев Ш. Цыбен Жамцарано. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. 40 с.
8. Элбек-Доржи Ринчино. Документы. Статьи. Письма. Улан-Удэ, 1994. 234 с.
9. Рыбаков С.Е. Философия этноса. М. : ИПК Госслужбы, 2001. 358 с.
10. Чимитдоржиев Ш.Б. Панмонгольское движение – это общемонгольское национальное движение // Монголоведческие исследования. Вып. 3 : сб. науч. ст. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. С. 12–30.
11. Курас Л.В. Панмонголизм и атаман Семенов // Владимирские чтения IV : доклады и сообщения Всерос. науч. конф. (Москва, 15 февраля 2000 г.). М. : Ин-т языкознания РАН, 2000. С. 68–74.
12. Лузянин С.Г. Россия–Монголия–Китай в первой половине XX века. Политические взаимоотношения в 1911–1946 годах. М. : ИДВ РАН, 2000. 270 с.
13. Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Ленинград, 1926. Т. 2. 906 с.
14. Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М. : Русский Мир, 1997. 532 с.
15. Хаким Р. Сумерки Империи. К вопросу о нации и государстве. Казань : Татар. книж. изд-во, 1993. 87 с.
16. Кузьмин Ю.В., Свинин В.В. Панмонголизм как национальная идея консолидации народов Центральной Азии в XX веке // Восточносибирский регионализм: социокультурный, экономический, политический и международный аспекты : материалы междунар. науч. конф. 10–12 апреля 2000 г. М., 2001. С. 76–79.
17. Курас Л.В. Панмонголизм как политический феномен // Dialogue among Civilizations: Interaction Between Nomadic and Other Cultures of Central Asia. Ulaanbaatar, 2001. P. 273.
18. Рошин С.К. Политическая история Монголии (1921–1940 гг.) / отв. ред. Ю.В. Ванин ; Ин-т востоковедения РАН. М. : ИВ РАН, 1999. 327 с.
19. Vat-Erdeni Batbayar, Twentieth Century Mongolia. Cambridge, 1999. 187 p.
20. Батбаяр Ц. Монголия и Япония в первой половине XX века. Улан-Удэ : Издат.-полиграф. комплекс ВСГАКИ, 2002. 229 с.
21. Uradin E. Bulag, Humphrey S. Some Diverse Representations of the Pan-Mongolian Movement in Dauria // Inner Asia. Occasional Papers of the Mongolia and Inner Asia Studies Unit. 1996. March. Vol. 1, № 1. P. 1–23.
22. Колягин Дымбрыл. Влияние международной среды на развитие Монголии: сравнительный анализ в историческом контексте XX века. Иркутск : Оттиск, 2002. 121 с.
23. Юзефович Л.А. Начало панмонгольского движения и атаман Семенов // Гуманитарная наука в России: соросовские лауреаты. М., 1996. С. 179–182.
24. Миллер А.И. О дискурсивной природе национализмов // Pro et Contra. 1997. Т. 2, № 4. С. 141–151. URL: http://uisrussia.msu.ru/docs/nov/pec/1997/4/ProEtContra_1997_4_09.htm (дата обращения: 12.12.2015).
25. Николаев И. Период колчаковщины и семеновщины в Бурятии // От свержения царизма к автономии Бурят-Монгольской АССР. От царской колонии до советской республики. Москва ; Иркутск, 1933. С. 59–78.
26. Жуковская Н.Л. В поисках бурятской национальной идеи (к постановке проблемы) // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Т. VI: История. Философия. Социология. Филология. Искусство : материалы междунар. науч. конф. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. С. 13–22.
27. Железняков А.С. К вопросу об отношении Коминтерна к панмонголизму // Гуманитарная наука в России: соросовские лауреаты. М., 1996. С. 66–69.
28. Елаев А.А. Бурятский народ: становление, развитие, самоопределение. М. : Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации, 2000. 349 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 22 марта 2017 г.

“GREATER MONGOLIA”: THE CONCEPT OF POLITICAL UNITY AND AN ATTEMPT OF ITS IMPLEMENTATION (1900S–1920S)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 419, 99–108.

DOI: 10.17223/15617793/419/13

Marina N. Baldano, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: histmar@mail.ru

Pavel K. Varnavskiy, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: wpk1@mail.ru

Keywords: Buryat national movement; Mongolian world; All-Mongolian unity; Pan-Mongolism; nationalism; nation-building.

The article is devoted to the Buryat nationalist project, an important part of which was the doctrine of Pan-Mongolism. Its essence was in the fact that the unification of Mongolia with Inner Mongolia, Buryatia, Kalmykia, with the Mongols of Xinjiang and Tuva would have allowed to restore the historical region of the Mongols' residence and turn the new country into a truly independent sovereign state. This approach to state integration of Mongolian-speaking peoples in the common cultural space with the aim of gradually leveling the differences between separate regional groups and the prospect of achieving greater ethnic unification and cohesion of the population reflected the European paradigm of nation. In the long term Pan-Mongolism had an aim to establish the Mongolian nation – a political construct above ethnicity in relation to those territories and cultures on the basis of which it was constructed, and later they would have had to be homogenous in all senses. The article is based on the materials of published works of the representatives of the Buryat national intelligentsia and on the analysis of works by Russian and foreign researchers dealing with different aspects of Pan-Mongolism. The article consists of three parts, the last summarizes the main conclusion. To understand the phenomenon of Pan-Mongolism is hardly possible only within the framework of the Buryat nationalism and in isolation from the historical context that formed by the end of the second decade of the 20th century in the region including Mongolia, North China, Transbaikalia and the Russian Far East. In a difficult international situation resulting from the crisis in Russia and China, there were several competing political actors, each of them tried to use Pan-Mongolism in their own interests. All of these actors can be divided into two camps: those who sought to realize their interests in the context of Pan-Mongolian movement and those who saw a threat and thus protected their interests by countering Pan-Mongolism. The level of confrontation between the different political forces acting in the region and the high intensity of the struggle between them led to the fact that the nationalist content of Pan-Mongolism disappeared in the regional geopolitical discourse, and the activity of the nationalists, objectively, was forwarded from the task of unification of the Mongol peoples to the counteraction to political actors and to each other. The authors note that followers of the ideas of ethno-political self-determination of the Mongols became a tool in the hands of other regional actors, and Pan-Mongolism was much better used by the latter, not by the former. Nationalists were unable to cope with the task of relaying their views to the masses. Thus, supporters of this doctrine failed to establish the essential prerequisites for its implementation – to achieve the creation of a sustainable view in the society on the need to achieve the political unity of the Mongolian world.

REFERENCES

1. Zhamtsarano, Ts. (1907) Buryatskoe narodnicheskoe dvizhenie i ego kritiki [Buryat Narodnik Movement and its critics]. *Sibirskie voprosy*. 24. pp. 15–20.
2. Baradin, B.B. (1927) Buryat-mongoly. Kratkiy istoricheskiy ocherk oformleniya buryat-mongol'skoy narodnosti [Buryat-Mongols. A brief historical outline of the formation of the Buryat-Mongolian people]. *Buryatievedenie*. 3–4. pp. 39–52.
3. *Neizvestnye stranitsy istorii Buryatii*. (1991). 1.
4. Bazarov, B.V. et al. (1998) *Elbek-Dorzhi Rinchino o Mongolii* [Elbek-Dorji Rinchino about Mongolia]. Ulan-Ude: Institute of Mongolian Studies, Buddhism and Tibetology.
5. Bogdanov, M.N. (1926) *Ocherki istorii buryat-mongol'skogo naroda* [Essays on the history of the Buryat-Mongolian people]. Verkhneudinsk: Buryat-mongol. izd-vo.
6. Zhabaeva, L.B. (2001) *Elbek-Dorzhi Rinchino i natsional'no-demokraticeskoe dvizhenie mongol'skikh narodov* [Elbek-Dorji Rinchino and the national-democratic movement of the Mongolian peoples]. Ulan-Ude: Izd-vo VSGTU.
7. Tshibikov, B. & Chimitdorzhiev, Sh. (1997) *Tsyben Zhamtsarano*. Ulan-Ude: BSC SB RAS. (In Russian).
8. Rinchino, E.-D. (1994) *Dokumenty. Stat'i. Pis'ma* [Documents. Articles. Letters]. Ulan-Ude: Redaktsionno-izdatel'skiy otdel Minpechati Respubliki Buryatiya.
9. Rybakov, S.E. (2001) *Filosofiya etnosa* [Philosophy of ethnos]. Moscow: IPK Gossluzhby.
10. Chimitdorzhiev, Sh.B. (2000) Panmongol'skoe dvizhenie – eto obshchemongol'skoe natsional'noe dvizhenie [The Pan-Mongol movement is an all-Mongol national movement]. In: Chimitdorzhiev, Sh.B. et al. (eds) *Mongolovednye issledovaniya* [Mongolian studies]. Vol. 3. Ulan-Ude: BSC SB RAS.
11. Kuras, L.V. (2000) [Pan-Mongolism and Ataman Semenov]. *Vladimirtsovskie chteniya IV* [Vladimir readings IV]. Proceedings of the all-Russian conference. Moscow. 15 February 2000. Moscow: Institute of Linguistics RAS. pp. 68–74. (In Russian).
12. Luzyanin, S.G. (2000) *Rossiya–Mongoliya–Kitay v pervoy polovine XX veka. Politicheskie vzaimootnosheniya v 1911–1946 godakh* [Russia—Mongolia—China in the first half of the twentieth century. Political Relations in 1911–1946]. Moscow: IFE RAS.
13. Grumm-Grzhimaylo, G.E. (1926) *Zapadnaya Mongoliya i Uryankhayskiy kray* [Western Mongolia and the Uryanghai region]. Vol. 2. Leningrad: Tipografiya Glavnogo Botanicheskogo Sada.
14. Tishkov, V.A. (1997) *Ocherki teorii i politiki etnichnosti v Rossii* [Essays on the theory and policy of ethnicity in Russia]. Moscow: Russkiy Mir.
15. Khakim, R. (1993) *Sumerki Imperii. K voprosu o natsii i gosudarstve* [Twilight of the Empire. To the question of the nation and the state]. Kazan: Tatar. knizh. izd-vo.
16. Kuz'min, Yu.V. & Svinin, V.V. (2001) [Pan-Mongolism as a national idea of consolidating the peoples of Central Asia in the twentieth century]. *Vostochnosibirskiy regionalizm: sotsiokul'turnyy, ekonomicheskiy, politicheskiy i mezhdunarodnyy aspekty* [East Siberian regionalism: socio-cultural, economic, political and international aspects]. Proceedings of the international conference. 10–12 April 2000. Moscow. pp. 76–79. (In Russian).
17. Kuras, L.V. (2001) Panmongolizm kak politicheskiy fenomen [Pan-Mongolism as a political phenomenon]. In: *Dialogue among Civilizations: Interaction Between Nomadic and Other Cultures of Central Asia*. Ulaanbaatar.
18. Roshchin, S.K. (1999) *Politicheskaya istoriya Mongolii (1921–1940 gg.)* [History of Mongolia (1921–1940)]. Moscow: IES RAA.
19. Bat-Erdeni Batbayar. (1999) *Twentieth Century Mongolia*. Cambridge: Cambridge University Press.
20. Batbayar, Ts. (2002) *Mongoliya v pervoy polovine XX veka* [Mongolia and Japan in the first half of the 20th century]. Ulan-Ude: Izdat.-poligraf. kompleks VSGAKI.

21. Bulag, U. & Humphrey, C. (1996) Some Diverse Representations of the Pan-Mongolian Movement in Dauria. *Inner Asia. Occasional Papers of the Mongolia and Inner Asia Studies Unit*. March. 1:1. pp. 1–23.
22. Kolyagiyn Dymbryl. (2002) *Vliyaniye mezhdunarodnoy sredy na razvitiye Mongolii: sravnitel'nyy analiz v istoricheskoy kontekste XX veka* [The influence of the international environment on the development of Mongolia: a comparative analysis in the historical context of the twentieth century]. Irkutsk: Ottisk.
23. Yuzefovich, L.A. (1996) Nachalo panmongol'skogo dvizheniya i ataman Semenov [The beginning of the Pan-Mongol movement and Ataman Semenov]. In: Vyatkin, A.R. (ed.) *Gumanitarnaya nauka v Rossii: sorosovskie laureaty* [Humanitarian science in Russia: Soros laureates]. Moscow: Mezhdunarodnyy Nauchnyy Fond.
24. Miller, A.I. (1997) O diskursivnoy prirode natsionalizmov [On the discursive nature of nationalisms]. *Pro et Contra*. 2:4. pp. 141–151. [Online] Available from: http://uisrussia.msu.ru/docs/nov/pec/1997/4/ProEtContra_1997_4_09.htm. (Accessed: 12.12.2015).
25. Nikolaev, I. (1933) Period kolchakovshchiny i semenovshchiny v Buryatii [The period of Kolchak and Semenov in Buryatia]. In: Gudoshnikov, M.A. & Ubugune, A.I. (eds) *Ot tsarskoy kolonii do sovetsoy respubliki* [From the Tsar's colony to the Soviet Republic]. Moscow; Irkutsk: Tip. OGIZA tresta "Poligrafkniga".
26. Zhukovskaya, N.L. (2000) [In search of the Buryat national idea (to the formulation of the problem)]. *Problemy istorii i kul'tury kochevykh tsivilizatsiy Tsentral'noy Azii* [Problems of the history and culture of nomadic civilizations in Central Asia]. Proceedings of the international conference. Vol. VI. Ulan-Ude: BSC SB RAS. pp. 13–22. (In Russian).
27. Zheleznyakov, A.S. (1996) K voprosu ob otnoshenii Kominterna k panmongolizmu [To the question of the Comintern's attitude to Pan-Mongolism]. In: Vyatkin, A.R. (ed.) *Gumanitarnaya nauka v Rossii: sorosovskie laureaty* [Humanitarian science in Russia: Soros laureates]. Moscow: Mezhdunarodnyy Nauchnyy Fond.
28. Elaev, A.A. (2000) *Buryatskiy narod: stanovlenie, razvitiye, samoopredelenie* [The Buryat people: formation, development, self-identification]. Moscow: Russian Academy of State Service under the President of the Russian Federation.

Received: 22 March 2017